

УДК: 002.5 (092)(73)

ОБРАЗ Н.С. ХРУЩЁВА В РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕРИОДИКЕ В США (1953—1964 гг.)

Татьяна Сергеевна ШУГАЙЛО,
аспирантка Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: randy-t@rambler.ru

Автор характеризует образ советского лидера Н.С. Хрущёва на основе материалов русских эмигрантских газет в США, таких как «Новое русское слово», «Россия» и «Русская жизнь». В 1953—1964 гг., в период длительного противостояния и информационной войны между США и СССР, эмигрантская пресса отражала идейные настроения широких слоёв русской диаспоры в США.

Ключевые слова: русская эмиграция, США, СССР, Н.С. Хрущёв, эмигрантские издания, образ врага, холодная война.

THE IMAGE OF N.S. KHRUSCHEVA IN THE PRESS OF RUSSIAN IMMIGRATION IN THE USA (1953—1964)

T.S. Shugaylo. Postgraduate student of the Institute of History, Archaeology and Ethnography (IHAE) of the Peoples of the Far-East, the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (FEB RAS), Vladivostok.

The author characterizes the Soviet leader N.S. Khrushcheva using the materials from the Press of Russian Immigration in the USA, e.g. “The New Russian Word”, “Russia” and “Russian Life”. In 1953—1964 — the period of long-running confrontation between the USA and the USSR during the Cold War — the immigration newspapers would outline ideological mood of different groups of Russian Diaspora in the USA.

Key words: Russian Immigration, the USA, the USSR, Immigration periodicals, the Cold War, N.S Khrushchev, the image of the enemy.

В 1950—1960-е гг. ход мировой истории во многом определялся противостоянием США и Советского Союза. Эта длительная политическая, экономическая и идеологическая конфронтация двух стран сопровождалась информационной войной, охватившей американские и советские СМИ. Особый интерес к проблемам взаимоотношений с Советским Союзом проявляли русские эмигранты в США, а эмигрантская пресса остро

реагировала на важнейшие события в этой сфере, способствуя распространению определённых политических взглядов среди соотечественников. Однако проблема формирования образа СССР и восприятия советских политических деятелей в представлениях русской эмиграции в США, особенно ярко отражавшихся в периодической печати, в отечественной и зарубежной историографии не рассматривалась. В.О. Рукавишников исследовал отношение населения США к Советскому Союзу [19]. Но автор не останавливался на русской диаспоре как отдельном феномене и не затрагивал материалы эмигрантской прессы.

Цель нашей статьи — раскрыть образ советского лидера Н.С. Хрущёва, создававшийся на страницах крупнейших русских эмигрантских изданий в США — «Нового русского слова», «Русской жизни» и «России», и сквозь призму этого образа рассмотреть влияние русской зарубежной периодики на восприятие Советского Союза русской диаспорой, а также показать, какую роль в формировании взглядов эмигрантских авторов данных изданий сыграла американская пропаганда «холодной войны».

Нередко образ страны-противника в представлениях индивидов и в коллективном общественном мнении ассоциировался с именем первого руководителя государства, т.е. персонифицировался [19, с. 308]. Поэтому не случайно «враг» обретал конкретное лицо и индивидуальные характеристики. Не стал исключением в этом плане и Н.С. Хрущёв.

К тому времени, когда он поднялся на вершину власти в СССР и стал политическим игроком на международной арене, русская диаспора в США пополнилась многочисленными эмигрантами из СССР «второй волны» — послевоенными «невозвращенцами», перемещёнными лицами, в составе которых преобладали оставшиеся на Западе бывшие военнопленные, лица, угнанные на работу в Германию, участники антисоветских формирований. С 1947 г. по 1951 г. в США было доставлено и расселено по всем штатам не менее 137,7 тыс. чел. [14, с. 178]. Одновременно на Американский континент из Европы и Азии перебирались и эмигранты «первой волны». Например, от 3,5 до 4,5 тыс. русских беженцев приехало из Китая [14, с. 180]. В 1959 г. в США зарегистрировано 780 тыс. чел., которые отнесли себя к русским [6, с. 31]. Среди русских беженцев были и те, кто ещё до войны подвергался сталинским репрессиям. В большинстве своём они критически воспринимали социалистическую действительность и были яркими антикоммунистами [5, с. 62—63, 82].

После Второй мировой войны в Америке выросло число русскоязычных изданий, что объяснялось прибытием из Европы целой плеяды русских публицистов. Многие из них продолжили профессиональную деятельность в антикоммунистической газете «Новое русское слово» (основана в Нью-Йорке в 1910 г.). В годы холодной войны это издание уделяло особое внимание советской политике, интерпретируя её с позиций Вашингтона. В другой известной газете «Русская жизнь» (основана в Сан-Франциско в 1921 г.) в послевоенный период сотрудничали эмигранты, приехавшие из Китая. Так, поэтесса Ю.В. Крузенштерн-Петерс с 1946 г. редактировала

эту газету. Р.В. Дудин, прибывший в США в 1950 г., писал статьи для «Русской жизни» и «Нового русского слова» [14, с. 180, 195, 263]. Монархическая газета «Россия» под руководством главного редактора Н.П. Рыбакова появилась в Нью-Йорке в 1933 г. и издавалась, как отмечал И.К. Окунцов, «реакционными группами русской эмиграции» [15, с. 319, 333, 340]. С этими изданиями эмигранты новой волны познакомились, находясь в лагерях для беженцев в Европе, а поселившись в США многие стали их постоянными читателями [14, с. 260].

В публикациях вышеуказанных газет наиболее ярко отражалось представление о военной и политической угрозе Советов, набиравшее силу благодаря работе американской пропагандистской машины. Если в 1945 г., отвечая на вопрос о наиболее важной проблеме, стоявшей перед США, лишь 7% американцев назвали внешнюю политику, то в 1950-е гг. в условиях всплеска маккартизма на первое место большинство ставило угрозу войны с русскими [19, с. 193].

В 1950-е гг. русская эмигрантская пресса наряду с американскими изданиями клеймила политику сталинизма, называя её «красным фашизмом». На своих страницах эти русские газеты и журналы нередко проводили аналогии между политикой Сталина и Гитлера, советскими трудовыми и нацистскими концентрационными лагерями [18, с. 476]. Вместе с тем эмигрантские журналисты пытались бороться с русофобией, охватившей американское общество. Эмигранты понимали опасность того, что в «холодной войне» вместе с СССР может быть побеждён и русский народ. Для них было очевидно, что Запад не заинтересован в сильной России [14, с. 208—209]. Н.П. Рыбаков в своей редакторской колонке газеты «Россия» призывал западный мир не ставить знак равенства между коммунистическим режимом и Россией. По мнению большинства представителей монархического и либерального лагерей эмиграции, следовало разоблачать советскую власть и дать понять народу России, что силы демократии помогут ему избавиться от советского гнёта [20, с. 2].

После смерти И. Сталина (1953) внимание западной общественности было приковано к борьбе за власть в Советском Союзе и победе Н.С. Хрущёва. Один из авторов «России» Г. Борисов в ноябре 1953 г. писал, что Запад ожидал куда более радикальных изменений в советском обществе, и разочарованно отмечал, что СССР по-прежнему управляют теневые силы, которые ведут страну к гегемонии в мире. Поэтому не следует ослаблять усилий по вооружению свободных стран [12, с. 2].

Эмигрантская пресса не питала иллюзий и по поводу вызвавшего удивление всего мира «секретного» доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС с развенчанием культа Сталина и обвинением его в многочисленных преступлениях против народа. В публикациях высказывалось мнение, что осуждение Генсека предпринималось Хрущёвым лишь для того, чтобы консолидировать собственную власть и запугать политических соперников, которые участвовали в репрессиях, — Молотова, Кагановича, Маленкова, Ворошилова [8, с. 88—89].

Дальнейшие события в СССР показали, что Хрущёв приложил все усилия для устранения этих лиц на своём пути к единовластию, добившись своей цели на июньском (1957 г.) пленуме партии. Эмигрантская пресса живо откликнулась на это событие. Газета «Новое русское слово» анализировала резюме выступления Хрущёва на пленуме, в котором советский лидер дал уничтожающую характеристику «антихрущёвской группе». Как отмечала газета, стиль заявления и отдельные слова являлись повторением выпадов Сталина против «врагов народа». Молотова, Маленкова, Кагановича и других Хрущёв называл «презренной группой осколков, выкорчеванных ЦК». При этом, как писал автор, триумфатор не осознавал, что, смешивая с грязью недавних советских идеологов, он разоблачал ложь о «величественности» большевизма. Публикация клеймила советскую партийную элиту вместе с Хрущёвым за полную безнравственность [17, с. 2].

В этот период на страницах русской эмигрантской печати часто проводилась параллель между поступками Хрущёва и Сталина. Многие журналисты считали, что Хрущёв подобно Сталину стремится к утверждению своего культа и использует в реформах многие методы сталинизма [29, с. 2]. «Хрущёв — хитрый мужик и свои делишки проделывает чище Сталина, — с иронией писал М. Железнов-Аргус в фельетоне для газеты «Новое русское слово». — Со страниц советской печати почти никогда не сходят тезисы хрущёвских докладов. В сравнении с Хрущёвым Сталин был довольно скромным человеком...» [4, с. 2]. Вместе с тем эмигрантские журналисты не могли не отметить, что преемник Сталина отказался от расстрелов и от правил бывших соратников всего лишь в «почётную ссылку» [11, с. 2].

В эмигрантской прессе прорисовывались и другие черты советского руководителя. Проявления его двуличной натуры находили в отношении к религии. Многие авторы отмечали, что Хрущёв на различных встречах говорил о боге, подчёркивая свою религиозную терпимость. Однако при этом антирелигиозная пропаганда в СССР не ослабевала [13, с. 2]. Яркий политический портрет Хрущёва даёт главный редактор «Нового русского слова» М. Вейнбаум: «Нынешний советский лидер необычайно динамичен и агрессивен по своей натуре. Он не может стоять на месте, и в нём есть черты азартного игрока. Хрущёв привык смотреть в глаза опасности — ему приходилось не раз сталкиваться с ней по пути своего продвижения к вершине власти. В нём также сильна уверенность, что, дойдя до края пропасти, он сумеет удержаться над ней и не даст себя столкнуть» [2, с. 3].

Внешняя политика СССР, не менее чем внутренняя, интересовала русскую прессу в Америке. В ходе XX съезда Хрущёв заявил о продолжении ленинского курса на «мирное сосуществование» с капиталистическими странами и предпринимал реальные шаги к этому: посетил Индию, Афганистан, Великобританию, в 1955 г. участвовал во встрече с американским президентом и французским премьер-министром в Женеве и т.д. Однако многие эмигрантские авторы критически отнеслись к советскому «вождю-миротворцу», указывали на его непоследовательность в решении важных политических вопросов современности. Профессор М.П. Голо-

вачёв, в прошлом один из сибирских идеологов, эмигрировавший в США из Китая в 1950 г., писал в газете «Россия» о т.н. периоде «дипломатической маниловщины» в международной политике СССР после Женевской конференции. По словам автора, большевики уже не раз умело убеждали противников в своём желании поддерживать длительный мир, на самом деле готовясь к войне. Такой манёвр СССР применял, создавая Дальневосточную Республику, чтобы обеспечить мирное сосуществование с Японией, пока не наладится внутреннее положение в стране после Гражданской войны. Профессор сравнивал СССР с удавом, которому требуется время, чтобы переварить свою жертву перед новым нападением [3, с. 2].

В 1957 г. после успешного испытания первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты и запуска первого спутника — событий, укрепивших положение СССР на международной арене, Хрущёв продолжал выдвигать в качестве политического лозунга «мирное сосуществование» с западными державами [7, с. 55]. Однако журналисты эмигрантской прессы в США по-прежнему скептически относились к его заявлениям. Они рисовали образ двуличного человека, расчётливого политика, способного на любые кровавые жертвы ради своих целей.

И. Никодимов в газете «Россия» вспоминал поездку Хрущёва и Булганина в Индию, где Никита Сергеевич устроил настоящий маскарад: нарядившись в чалму и сложив по-восточному руки, он отвечивал поклоны. В иностранной прессе снимки этой встречи вызывали смех, а в советских газетах они не публиковались. По словам автора статьи, на многих иностранцев такая игра производила впечатление. «Всюду Хрущёв старается разыгрывать простачка, рубаху-парня — всем доступного, охотно идущего в народ, со всеми за панибрата, — писал И. Никодимов. — Но мы, бывшие советские люди, хорошо знаем его оборотную сторону. Мы помним Хрущёва в другой роли — безжалостного партийного вершителя судеб Украины при Сталине» [13, с. 2]. В том же номере другой постоянный автор газеты О. Михайлов призывал мировое сообщество не доверять заявлениям Хрущёва. Для начала, писал журналист, пусть советский лидер прекратит 37-летнюю войну с собственным народом и уничтожит концлагеря, что действительно сблизило бы советский режим с демократическими странами. Скорее всего, по мнению О. Михайлова, перемирие выгодно самому Хрущёву, коммунистическая диктатура которого переживает политический, экономический и идеологический кризис [10, с. 2].

Между тем эмигрантская пресса, применяя методiku информационной войны, оставила без внимания такие существенные изменения в жизни СССР тех лет, как массовая амнистия и начало реформирования Гулага. На страницах русской эмигрантской прессы проявляли себя и другие направления американской пропаганды периода «холодной войны»: подчёркивалась непрогрессивная суть коммунистической доктрины [18, с. 461], противопоставлялись стремление западных стран к миру и советская поддержка революционных движений в колониях как действия, угрожавшие миру [19, с. 197]. Любые миролюбивые намерения Хрущёва эмигрантские

журналисты встречали с недоверием или насмешкой. Так, редактора «Нового русского слова» откровенно позабавило заявление советского руководителя, адресованное группе дипломатов на приёме в Кремле в декабре 1958 г.: «Советский Союз готов пойти решительно на всё, чтобы добиться соглашения о сокращении вооружений. Мало того, СССР от души приветствовал бы упразднение всех армий. Мы готовы принять христианскую философию непротивления злу!» [26, с. 4]. Курьёзность таких слов была подчеркнута тем, что газета вспомнила о них в самый разгар Берлинского кризиса.

Напомним в этой связи, что 27 ноября 1958 г. СССР обратился к западным державам с требованием прекращения оккупационного режима Берлина, вывода войск в течение шести месяцев и объявления его свободным городом. После безуспешных международных переговоров Советский Союз отказался от своего ультиматума, но поощрял стремление руководства ГДР к усилению контроля над границей и строительство Берлинской стены [19, с. 277]. Эмигрантская пресса в унисон с другими западными изданиями в это время повторяла слова генерального секретаря НЭЙТО П. Спаака, проводя аналогии между ультиматумом Хрущёва по берлинскому вопросу и поведением Гитлера в Мюнхенском сговоре [24, с. 1]. Это было целенаправленным использованием риторики «красного фашизма».

В газетах бурно обсуждался вопрос о причинах обострения международной обстановки. Главный редактор «Нового русского слова» М. Вейнбаум озвучил мнение политических кругов США о том, что Хрущёв обострил берлинскую проблему с целью вызвать разногласия среди западных держав [2, с. 3]. Многие русские эмигранты считали, что для этого были причины внутреннего характера: в СССР росло число коммунистов, недовольных Хрущёвым, поэтому для расправы с оппозицией советскому лидеру понадобился предлог (например, международный конфликт), воспользовавшись которым, он смог бы ввести военную диктатуру [25, с. 1].

Русские публицисты в США обвиняли западных дипломатов в нерешительной политике по отношению к СССР и считали, что Америка остаётся единственным сдерживающим фактором для Советов. В. Самарин в «Новом русском слове» отвергал доктрины «сдерживания» и «мирного существования», которые, на его взгляд, только укрепляли позиции коммунистов в мире, а вместо этого предлагал выработать доктрину «освобождения» и с её помощью подвинуть советских граждан на свержение диктатора [21, с. 2].

После Карибского кризиса в октябре 1962 г. американские издания и русская эмигрантская пресса упрекали президента Кеннеди в нерешительной дипломатии и высказывали предположения, что на Кубе ещё находятся ядерные ракеты. Авторы «Русской жизни» с сарказмом отмечали, что Советскому Союзу, убедившемуся в военной пассивности США, достаточно было малейшей угрозы ядерными ракетами, чтобы добиться от Америки чего угодно без кровопролития [27, с. 2].

Русская печать в США неоднократно осуждала волюнтаризм Хрущёва и в экономических реформах. Н.А. Мельников в газете «Россия» пи-

сал по поводу освоения целины, что советская колхозная система обрекает эту кампанию на провал. На обработку новых земель брошены десятки тысяч неопытной молодёжи, не имевшей представления о сельском хозяйстве. Подобными «преобразованиями», по словам автора, мог руководить только такой «типичный советский держиморда, отличавшийся свирепостью и беспощадностью», как Хрущёв [9, с. 2]. Уже тогда А. Бервик в «Новом русском слове» предсказывал, что при отсутствии грамотного земледелия целина может превратиться в бесплодную пустыню [1, с. 6].

Скептически отнеслись эмигрантские журналисты и к «хрущёвской семилетке», и к лозунгу, прозвучавшему на XXI съезде КПСС в 1959 г.: «Через 15 лет догнать и перегнать развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения». Газета «Новое русское слово» с издёмкой вопрошала: «Строим, строим... А когда же жить будем?» [28, с. 5]. Журналисты были уверены, что в рамках советской экономики даже удвоения производительности труда не хватит, чтобы дальше наращивать военный потенциал, расходовать чудовищные средства на внешнеполитические авантюры и повышать уровень жизни населения [16, с. 4].

Таким образом, в 1950—1960-е гг. русская эмигрантская печать оставалась для представителей диаспоры важным информационным источником по разным вопросам современности [22, с. 1]. Среди политических тем на первом месте стояли взаимоотношения двух сверхдержав в «холодной войне». Рассмотренный нами материал позволяет сделать следующие выводы.

В этот период (1953—1964 гг.) на страницах русской эмигрантской прессы в США абстрактный «образ врага» в лице Советского Союза персонифицировался в образе руководителя Н.С. Хрущёва. Советский лидер в «Новом русском слове», «России», «Русской жизни» и других изданиях эмигрантской периодики был представлен как диктатор-агрессор, коварный и ненасытный захватчик, нередко сравниваемый со Сталиным и Гитлером. Этот образ находил живой отклик в сердцах русских эмигрантов, многие из которых прошли через репрессии в Советском Союзе. Пережитый ими негативный опыт выплёскивался в антисоветские материалы на страницах русской эмигрантской прессы. Среди подобных антикоммунистических настроений благодатную почву находила американская пропаганда «холодной войны», сливаясь с ними и усиливаясь.

Со многими позициями эмигрантской печати в острой критике Н.С. Хрущёва нельзя не согласиться. Однако, с другой стороны, идеологическая зашоренность и принципиальное нежелание не позволяли русским публицистам в Америке рассмотреть и оценить начавшиеся в СССР процессы либерализации, показать, что именно благодаря деятельности Н.С. Хрущёва контакты между США и СССР расширились, стали углубляться взаимные представления друг о друге.

В то же время русские эмигранты в США на страницах своих изданий выступали против русофобии, выражали озабоченность судьбой русского народа, призывали демократические государства оказать ему помощь, спасая от произвола власти и бесправия в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бервик А. Целина выветривается // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 14 дек.
2. Вейнбаум М.Е. Почему загорелся берлинский сыр-бор? // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 20 дек.
3. Головачёв М.П. Дипломатическая маниловщина // Россия. Нью-Йорк, 1955. 3 сент.
4. Железнов-Аргус М. Слухи и факты // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 30 дек.
5. Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров А.В., Огороков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. 490 с.
6. Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719—1989). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. 347 с.
7. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. М.: Международные отношения, 2000. Кн. 1. 437 с.
8. Медведев Р.А. Н.С. Хрущёв: Политическая биография. М.: Изд-во «Книга», 1990. 267 с.
9. Мельников Н.А. Провал колхозной колонизации // Россия. Нью-Йорк, 1954. 10 авг.
10. Михайлов О. На сегодняшний день // Россия. Нью-Йорк, 1955. 3 сент.
11. Молотов — посол во внешней Монголии // Россия. Нью-Йорк, 1957. 4 сент.
12. Наш долг // Россия. Нью-Йорк, 1953. 11 нояб.
13. Никодимов И. Рубаха-парень // Россия. Нью-Йорк, 1958. 15 окт.
14. Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы, 1870—1970: этноисторический очерк. М.: Наука, 2005. 417 с.
15. Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. 423 с.
16. По строкам и между строк // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 24 дек.
17. Подготовка партсъезда // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 19 дек.
18. Почепцов Г.Г. Психологические войны. М.: Изд-во Омега; Л., 2008. 528 с.
19. Рукавишников В.О. Холодная война, холодный мир: Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический проект, 2005. 864 с.
20. Рыбаков Н.П. Президент, Конгресс и Американский народ должны сокрушить пятую колонну! // Россия. Нью-Йорк, 1950. 27 июля.
21. Самарин В. Надежды Хрущёва // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 25 дек.
22. Седых А. Юбилей газеты // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1985. 12 апр.
23. Сенинская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
24. Спаак сравнивает действия Хрущёва с актами Гитлера // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 21 дек.
25. Тайный заговор коммунистов против диктатуры Хрущёва // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 16 дек.
26. Хрущёв готов принять «Философию непротивления злу насиланием» // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 27 дек.
27. Хрущёв делает три шага вперёд, два назад, а США топчутся на месте // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1963. 8 мая.
28. Хрущёвская семилетка // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 30 дек.
29. Это — большевизм // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1958. 24 дек.